

6. Mehlis Georg. Die Mystik in der Fülle ihrer Erseheinungsformen in allen Zeiten und Kulturen. - München, 1927.
7. Nigg W. Das mystische Dreigestirn. Artemis Verlag. – Zürich – München, 1988
8. Бичко І.В. Німецька класична філософія // Історія філософії – К.:Либідь, 2001. – С.122-169. 43
9. Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века - М.: Республика, 1997. - 496 с.
10. Неретина С.С. Средневековое мышление как стратегема мышления современного // Вопросы философии. – 1999. - №11. – С.122-150.
11. Торчинов Е.А. Мистический (трансперсональный) опыт и метафизика (к постановке проблемы) // Метафизические исследования. – 1998. – Вып. 8: Религия. – С.9-28.
12. Фёдоров А.А. Европейская мистическая традиция и русская философская мысль. – Нижний Новгород: Гуманитарный центр, 2001. – 232 с.
13. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. // Гегель Г.В.Ф. Сочинения в 14 – ти т. –М.-Л., 1935. - Т.3.
14. Рассел Б. История западной философии. – М.: Академический проект, 2000. – 768.
15. Бердяев Н.А. Дух и реальность. – М.:Фолио, 2003. – 679 с.
16. Позов А.С. Основы христианской философии.

В.Н. ГОЛЬЧЕНКО

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ МУДРОСТИ

Интерес к мудрости становится особенно обостренным именно тогда, когда она (мудрость) более всего необходима. Именно тривиальность данного утверждения требует рассмотрения заявленной в названии статьи проблемы.

Мудрость, по нашему мнению, есть философствование, т.е. желание, способность и умение мыслить и осмысливать, хотя и не всегда ощущающие себя именно в таком качестве. Мы не можем прямо утверждать, что мудрость есть философия и наоборот, но тем не менее никакое другое понятие до такой степени не совпадает с содержанием философии, как мудрость. Совсем не лишним является добавление к термину мудрость слова «любовь». Философия не есть непосредственно мудрость, а именно любовь к мудрости. Общим для той и другой является понимание. Здесь мы обнаруживаем качественное отличие философии от других форм общественного сознания. Она не больше и не меньше, не лучше и не хуже, чем наука, искусство или религия. Это, прежде всего, иная, по сравнению с ними, форма сознания. Ее призванием, по большому счету, является не познание, а придание сознанию и познанию определенной гармонии – мировоззренческой целостности. Гегель считал, что «философия имеет с искусством и религией одинаковое содержание и одинаковую цель, но она наивысший способ постижения абсолютной истины, потому, что ее способ наивысший – понятие» (5, 289).

Будучи непрактичной, философия является жизненной необходимостью. Она не может быть или служить орудием или средством, но ее значение для предотвращения или преодоления «распада» человека и человечества невозможно переоценить. Жизненным ее предназначением является исполнение функций стража гуманности. Очень «непрактично» философия ставит заслон попыткам свести человечность до прагматического, утилитарного уровня и «использования». Она есть постоянный раздражитель, элемент внутреннего беспокойства, волнений и тревог. Именно в таком понимании не философия должна согласовываться с практикой (подтверждаться ею), а практика должна (обязана) постоянно «соотноситься» с философией, предваряться ею, во избежание новых «Чернобылей». Исполнить такое великое предназначение философия способна лишь будучи философствованием – мудрствованием, как органическим состоянием человеческого духа. К. Ясперс отметил, что «с философствованием человек обретает свои истоки. В этом смысле философия безусловна и не имеет цели. Ее нельзя ни обосновать, исходя из другого, ни

оправдать как полезную для чего-либо. Она – не бревно и не соломинка, за которую можно держаться. Философией нельзя распоряжаться, ее нельзя использовать» (12, 500).

Философия есть мудрость понимания всего возможного через незаинтересованное созерцание мира человеком. Осмысление всего для нее не есть одна из решаемых задач, а основное призвание, чего нельзя сказать в такой же мере о других формах сознания. Не потому, что они «ниже» или «недостойнее» - им просто нет до того дела при решении своих специальных задач. Мудрость не противостоит науке (познанию и знанию), а является стремлением увидеть любой фрагмент или срез действительности, являющихся предметом той или иной конкретной науки через призму целого – человеческого (вселенского, если хотите). Такое стремление суть начало философского осмысления. Поэтому, беды проистекают не из науки как таковой, не из безудержного порыва познать все и вся, а из попыток смотреть на целое и стремиться объяснить его с позиций какой-либо узкой области. В этом мы усматриваем корни как сциентизма, так и антисциентизма, источники технизма и технократизма.

Мудрость опирается на познание, но и , одновременно, служит ему опорой. Действительно, между незнанием и знанием с необходимостью должен существовать некий «мостик». Можно сказать, что именно осмыслению-пониманию подлежит прежде всего не знаемое, но и незнаемое, необъяснимое. «Толчком» к познанию есть известное понимание того, почему непознанное не познано, почему необъяснимое не объяснимо. Невозможно познать и объяснить все, но возможно понять, почему существует такое положение вещей.

Философия (и философы, соответственно) живут на «переходах». Она разрывается между крайними полюсами: чтобы философствовать (быть мудрым), надо подняться над миром, т.е. оторваться от частного, специального. Но, так философ все же есть живой человек, он изначально обречен оставаться внутри мира. «Философ – пишет К. Ясперс – человек единичный, он живет на свой страх и риск из собственных истоков. Но как человек, он член целого, и его философствование с самого начала зависит от этого» (12, 475). Мудрость поэтому есть понимание как необходимости такого разрыва, так и его наличности и сути. Вновь возникает образ «бесполезности» философии (и мудрости). Философия есть постоянный поиск несуществующего начала (или начал) всего. При этом мы говорим о таком поиске, который знает себя именно в таком качестве – в качестве поиска того, чего нет. В таком смысле бесполезность философии не означает ее ненужности. Философствовать – значит искать смысл жизни. Подчеркнем: не находить, а именно искать, т.е. все время быть в поиске. В силу этого философия по своей природе есть метафизика – не как противоположность или антитеза диалектике, а рассуждающее мышление о том, чему не может быть никакого «физического» (опытного, природного, естественного) объяснения и подтверждения. Она выступает, таким образом как за-и над-природное, сверх физическое. Метафизика выступает как преодоление рассудочного мышления и равна спекулятивному мышлению. Причем отказ от метафизики, ее отбрасывание не проходит бесследно. Гегель пишет: «... поскольку наука и здравый смысл способствовали крушению метафизики, оказалось, что в результате их общих усилий сложилось странное зрелище – образованный народ без метафизики, нечто вроде храма, в общем-то разнообразно украшенного, но без святыни» (4, 76).

Основной категорией философии есть категория бытия, понимаемого как то, что есть сейчас, как то, чего никогда не было и не будет, иными словами это то, что есть всегда. В этом смысле бытие «соединяет» времена, позволяя тем самым видеть в единстве (неразрывности) прошлое, настоящее и будущее. Именно с точки зрения философии имеет смысл говорить, что настоящее есть будущее прошлого, а будущее – не состоявшееся (пока) настоящее. Время есть постоянно ускользающее бытие, а жизнь (человека) поэтому есть усилие во времени, т.е. напряженное временное бытие. Иными словами, жизнь есть процесс «обезвремливания» времени.

Первейшим признаком философской мудрости выступает согласие. Хотя с тем же правом можно считать, что согласие есть и признак, и условие, и основание мудрости. Гераклит высказывался так: «Признак мудрости – согласиться, не со мной, а с логосом, что

все едино. Есть одна мудрость: познать замысел, обусловивший все через все» (1, 279). Мудрый, таким образом, выступает как воплощение вечности и бесконечности, точнее он – «рупор» вечности, всеобщего логоса, мирового духа. Мудрым является человек, достигший понимания всеобщего единства мира: видящий мир в себе и себя в мире в их неразрывном единстве. Если чуточку отвлечься, то именно такая логика дает основание заявить, что «...у мудрых нет места ненависти» (2, 263). Мудрость есть, следовательно, такой уровень мировосприятия, на котором преодолевается внутренне присущая человеку способность ненавидеть кого-чего-либо. С позиций мудрости ненависть лишена всякого основания и целесообразности, а потому и оправдания. Более того, она не просто отрицает ненависть, а исключает ее изначально, открывая тем самым путь к согласному отношению ко всему сущему.

Все формы общественного сознания «располагаются таким образом, что они не взаимоисключают друг друга, а сосуществуют, взаимодополняя каждая каждую. Их объединяющим началом служит общий «носитель» - человек (и человечество). Человеческое же настолько многообразно и потенциально безгранично, что способно вместить в себя всевозможные проявления духа. В понимании этого состоит сущность мудрости. Так, наука раскрывает земной путь человека, который может оборваться в любой (в самый «неподходящий») момент, так и не достигнув своей реализации. Последняя же не имеет своего «конца», т.е. вечна. Перед лицом вечности конечный земной путь обретает свой смысл. Отсюда и задача философии (и мудрости) – «показать» (даже не показать, а «свидетельствовать») науке ее собственные границы и задачи, а конечному человеку – возможность его безграничности. Нельзя в данном случае обойти вопрос, который станет предметом последующего рассмотрения. Речь о том, что отличительной чертой философии есть ее внутренняя (органическая-!) свобода. Это значит, что она ни от кого и ничего не зависит... В диалоге Платона «Софист» содержится замечательное наблюдение по поводу того, что философия – это наука людей свободных. Что здесь имеется в виду? Философ, как нам представляется, свободен от страха совершить ошибку. Само наличие такого страха, кстати, уже есть ошибка. Философия свободна от такого страха не потому, что она априорно безошибочна. И философия и философы не могут быть застрахованы от ошибок. Их отличает отсутствие боязни совершить ошибку. Не потому, что они столь «бесчувственны», а потому, что они бесполезны, а поэтому и возможные их ошибки могут быть «исправлены» безболезненно («просто разговором»). Философия (и философы) не могут «навредить», по крайней мере, до тех пор, пока остается именно таковой.

Проявления мудрости многообразны, а потому и крайне неопределенны. Поэтому практически невозможно просчитать некий уровень образованности (даже просвещенности-!), для «появления» мудрости. Более того, с сожалением приходится говорить, что исторический опыт человечества свидетельствует: чаще всего мудрость проявляется, так сказать, «задним числом», т.е. тогда, когда становится очевидным сколь чревато негативными последствиями отсутствие или недостаток мудрости, когда практически шаги к таким последствиям уже совершены. В данном случае мы видим насколько верна народная мудрость по поводу соотношения разумности и мудрости: умный знает как выйти из трудной ситуации (решить проблему), а мудрый понимает как в нее не попасть (не «создавать» проблему). В этом отношении хотелось бы подчеркнуть очень симптоматичный парадокс: наиболее решительными и последовательными борцами за мир во всем мире и разоружение в условиях опасности омницида являлись и являются именно творцы и создатели оружия массового (всеобщего) уничтожения!

Начала мудрости состоят в попытках отыскать (не найти!) подлинное бытие. Такие попытки могут принимать самую различную форму: начиная от самых простейших (примитивных), до самых утонченных, максимально рационализированных. Основное значение при этом имеет именно стремление дойти до сути. В этом плане даже самые примитивные попытки отыскать подлинное бытие не могут отметаться как не заслуживающие, недостойные внимания, тем более, что в таких случаях недостаток рациональных оснований компенсируется человеческой теплотой искренности. В данном

случае вообще уместно поставить вопрос: что по-человечески значимые и плодотворнее – примитивное, но искреннее и душевное или же утонченно глубокомысленное, но холодное и бездушное? Ответ напрашивается, естественно, в том смысле, что самым желательным было бы объединение этих крайностей. Это действительно ответ достойный, однако для своего практического воплощения требующий невероятных усилий каждого человека.

О сложности проблемы в данном плане можно судить по достаточно распространенной на уровне обыденного (если бы только на уровне обыденного-!) сознания реакции на философствование, на мудрствование. Ведь совсем не зря слово «мудрить» в живом языке означает совсем противоположное тому, что подразумевает корень этого слова, приобретая тем самым явно негативный смысл: мудрить в этом плане означает усложнять простые вещи да и саму жизнь. Спрашивается, тем не менее, что есть более соответствующее человеческой сути: упрощение или усложнение? Не сложно обнаружить, что в этих вопросах отражена более общая проблема соотношения абстрактного и конкретного. Не секрет, что подобно «мудренности», все связанное с абстрактностью и абстракциями чаще всего воспринимается в ругательном смысле. Как противовес этому наблюдается стремление объяснить все «на пальцах», свести познание и понимание сложного к сумме «конкретных», «живых» примеров.

Мудрость, как начало и основная характеристика философствующего мышления, состоит в понимании того, что абстракцию нельзя представить как нечто вещное, предметно-осязуемое. Она есть умопостигаемое, а не воспринимаемое чувственно. В этом смысле любое понятие есть абстракция – мысль имеет «дело» именно с понятиями, а не с вещами. Как отмечал Г. Маркузе, «если понятие не обозначает некую особенную вещь, если ему всегда свойственны абстрактность и обобщенность, то это потому, что понятие постигает больше, чем особенную вещь, и даже нечто иное – некие всеобщие условия или отношения, которые существенны для нее, которые определяют ее форму как конкретного объекта переживания. И если понятие чего-либо конкретного является продуктом мыслительной классификации, организации и абстрагирования, то эти мыслительные процессы ведут к познанию лишь поскольку они восстанавливают вещи в их универсальных условиях и отношениях, трансцендируя тем самым ее непосредственную внешнюю данность в направлении ее действительной сущности» (9, 138).

Бытие всегда выступает как широчайшая сфера возможностей: оно есть все, что есть и все, что может быть. Действительность есть область реализованных возможностей. Отсюда: реальность выступает как единство того, что может быть (а может быть все возможное и не возможное) и того, что наявно есть. Перефразируя Гегеля скажем: все реальное действительно, все действительное реально. Это – не любование самим собой, а видение того, чего в знании нет. Скорее всего мысль и работает на этом пороге, на этой грани. Мысль не есть результат или продукт мышления – она возможна лишь как процесс творения самой себя. Философский смысл последнего утверждения состоит в том, что подлинная мысль есть знающая себя мысль (а не застывшее знание). По самому большому счету, может быть признана мыслью лишь тогда, когда она в себе самой (кроме «себя») содержит еще и мысль о смысле человеческого бытия. Без этого внутреннего стержня мысль вырождается в чисто интеллектуальное упражнение, а в худшем – в интеллектуальное безумство.

Одно из проявлений смысла жизни, по мнению К. Манхейма, «состоит в том, что жизнь в процессе своего развития стремиться преодолеть частичный характер и границы, которые она создала для одной позиции с помощью других, противоположных позиций» (8, 73). Иными словами, жизнь на уровне человека сама себе ставит определенные границы, постигает собственную конечность, и тем самым стремится преодолеть свои же собственные границы. Необходимость и неизбежность мысли как раз и базируется на точках соприкосновения этих двух разно направленных, несовместимых, и ... неотрывных друг от друга процессов. Достоинство мысли заключается в том, что только она и именно она способна удержать в себе такого рода парадоксальность.

Мы так часто обращаем внимание именно на дух, что может закрасться подозрение, будто тем самым обнаруживаем стремление принизить место и значение материального, вещественного, телесного. Дело обстоит с точностью до наоборот: такое внимание к духу

только и позволяет тщательнее и детальнее присмотреться к самой сути материального, которое, кстати, не может быть сведено только к характеристикам вещественности и телесности. Обратим внимание на статью Л.А. Когана «Закон сохранения Бытия», в которой, в частности автор отмечает: «бытие и материя – близкие понятия, но у каждого своя специфика, своя история. Если бы это было не так, - продолжает Коган, - откуда такая жизнестойкость этих разных терминов, существующих с незапамятных времен? Материальная природа – фундамент Бытия, но есть и генетически связанная с ней, порождаемая ею, личным и общественным бытием и при этом глубоко самобытная, само светящаяся духовная реальность, идеальное, не сводимое к вещественному субстрату. Духовный мир – ведущее, специфицирующее начало человека – бытия» (6, 57). При всех возможных уточнениях и дополнениях, укажем на то, что нам импонирует именно подход автора, тем более, что в этой же статье отмечается: «основным вопросом этой философии является не отношение мышления к Бытию (ибо мышление не существует вне Бытия, помимо человека), а самоопределение человека в Бытии, полномасштабное самоопределение Бытия через человека». Следовательно, именно в человеке, через человека, бытие находит само себя, само себя показывает. Поэтому, «важнейшей особенностью общебытийного сознания является признание человеком и человечеством своей родовой, кровно-родственной связи с Бытием и ответственности за него. Человек и Бытие продолжают друг в друге. Сохранение Бытия – защита основы основ и наша фундаментальная самозащита» (6, 64). Речь, таким образом, идет не о физических законах сохранения и даже не об экологическом аспекте сохранения. Ориентируемся мы здесь не на количественную сторону, не на тот или иной аспект (фрагмент) действительности, а на качество мироздания, на сущее как таковое.

Требует различения душа и дух. Какое основание здесь может быть обнаружено? Думаем оно состоит в разных отношениях к покою и беспокойству. В этом плане, думается, душа есть то, что стремится к покою, к гармонии, уравновешенности и безмятежности. Дух же выступает как синоним мятежности и беспокойства. Обратимся к Гегелю. Он отмечал, что дух есть «отрицательное единство, в котором его определения проникают друг друга. Но когда его представляют себе как душу, его часто принимают за вещь. Подобно тому как человека вообще считают состоящим из души и тела, которые признаются каждое чем-то самостоятельным, существующим само по себе, точно так же признается, что состоит из так называемых душевных сил» (4, 132). В другом месте Гегель так продолжает эту мысль: «дух – это не то же противоречие, что вещь, которая растворяется и переходит в явление, он уже в самом себе противоречие, возвратившееся в свое абсолютное единство, а именно в понятие, - противоречие, в котором различия следует мыслить уже не как самостоятельные, а лишь как отдельные моменты в субъекте, в простой индивидуальности» (4, 133).

Объединяющим душу и дух есть их общий «носитель» - один и тот же человек, хотя реально далеко не каждый человек способен соединить в себе душевную гармонию и духовную не успокоенность. И душа, и дух не представляют собою некую вещь, однако это не означает отрицания их существования. Им присуще бытие, но бытие не-вещное, бестелесное.

Можно говорить, что дух мечется на границе света и тьмы – там и тогда, где и когда света уже нет, а тьмы еще нет. Это состояние хорошо описывается термином «сумерки». Понятно, что речь идет не о физическом явлении, а именно о том переходе, на котором обостряется томление духа, когда ему тесно в привычных рамках и он устремляется за них – к вечному, абсолютному. Может быть именно поэтому в сумерках человек становится особенно (просто-!) задумчивым, поскольку в этом «положении» все окружающее теряет свою определенность и четкость, приобретая налет вечности. Духовная жизнь есть, следовательно, постоянное рассеивание тьмы и выход через сумерки к свету. По сути дела, это постоянное движение от одного полюса к другому, включая и прохождение особого переходного состояния. Сумерки, таким образом, являются лучшим временем и состоянием для понимания и молчания. В сумерках и тишине, в отсутствие света и тьмы, мысль встречается сама с собой и ... понимает.

Появлением и проявлением мудрости есть рассмотрение познания и знания через призму соотносительности и открытости. Мудрость выявляется в тех точках, где конечное

соотносится с бесконечным, в открытости конечного перед вечным, в «ответах» абсолютного в конечном. Ведь совсем не зря даже на уровне обыденного сознания мудрость связывают со способностью подняться над суетой; над «мирскими» мелочами, увидеть за ними то, чего в суете-сует, в повседневных делах и заботах просто так не видно. Иначе: на «стадии» мудрости человек возвращается к самому себе, как он «есть».

Для того, чтобы не быть обвиненным в отождествлении философии и мудрости, подчеркнем, что, если философия выступает как одна из форм общественного сознания, то мудрость таковой считать никак нельзя. В лучшем случае она выступает своеобразным способом «индивидуализации» этой формы. Мудрость нельзя передать от человека к человеку, от поколения к поколению так, как передаются знания, навыки и умения, как то, что в конечном счете может быть овеществлено, опредмечено, облачено в материальную форму.

Действительно, мудрости невозможно научить, она «вырабатывается» каждым самостоятельно, каждый раз заново. Обратим внимание на предупреждение, которое в свое время высказал М. Монтень, заметив: «величайшее недомыслие – учить наших детей тому, каково влияние созвездия рыб, отважного Льва или Козерога, омываемого гесперийскими водами, или науках о звездах и движениях восьмой сферы раньше, чем науке об их собственных душевных движениях» (10, 176).

Последнее замечание звучит особенно актуально в наши дни, когда человек и человечество достигли такого уровня, что дело уже не ограничивается умозрительными рассуждениями о звездах, Космосе и иных ранее недоступных вещах, а имеются реальные возможности практического воздействия на них. Обнаруживается явное стремление охватить как можно больше вокруг себя, забывая при этом о безбрежности Космоса в самом себе. Именно поэтому главным в процессе образования и воспитания М. Монтень считал освоение науки добра. Действительно, «тому, кто не постиг науки добра, всякая иная наука приносит лишь вред. Наука не в состоянии озарить светом душу, которая лишена его, или заставить видеть слепого: ее назначение не в том, чтобы даровать человеку зрение, но в том, чтобы правильно пользоваться зрением ... те, кто хромает душой, мало пригодны к тому, для чего требуются усилия духа. Душа убудочная и низменная не может возвысится до философии» (10, 154-155).

Конечно, можно собрать мудрые мысли в соответствующие сборники или антологии ... Но будет ли это мудрость? Может быть ее суть и состоит в том, что не может быть зафиксировано и тем самым умерщвлено, но что невидимо, незримо пронизывает, соединяет все формы сознания, делая их конкретными проявлениями человеческого духа? Напрашивается сравнение мудрости с некоей «духовной энергией», с «духовным полем-пространством». Рассудочное мышление рисует не слишком оптимистическую картину: носитель мудрости – конкретный человек, возвращающийся к своим истокам и рано или поздно умирающий, уносит с собой свою мудрость. Пытаясь каким-либо образом передать ее современникам и потомкам, мудрец фиксирует ее в слове, где она вполне успешно умирает. Или все же есть какой-то способ удержания, сохранения и накопления мудрости? Условно говоря: «... в мире проявляется нечто подобное закону сохранения духовной энергии. Ни одна великая мысль (может быть даже просто мысль? - В.Г.) не может пропасть, даже если она так и не дошла до людей, даже если была «унесена в могилу». Согласно этому закону, ни одна драма или трагедия внутренней жизни человека никогда не проходила впустую, даже если они разыгрывались втайне, не отмеченные, не прославленные ни одним романистом» (11.163).

Утверждение звучит достаточно осторожно, что явно не лишне, требуется уточнить, в каком смысле используется сам термин закона, что именно сохраняется и каков «механизм» такого сохранения. Лучше, чем Гегель, о сущности закона вряд ли скажешь. «Закон – пишет он – это положительное в опосредствовании являющегося» (4, 138). И дальше: «закон находится не по сторону явления, а непосредственно наличен в нем; царство законов – это спокойное отображение существующего или являющегося мира» (4, 139). Следовательно, не надо искать сущность и закон за явлениями, а следует увидеть их в явлениях. Закон есть момент покоя, в движении он «скрыт», не обнаруживаем. Таким образом, для того, чтобы открыть (сформулировать закон чего-либо его надо остановить (как бы остановить). При этом

это самое «что-либо» движется все равно, а остановка осуществляется мысленно. Еще раз Гегель: «царство законов – это спокойное содержание явления; явление есть то же самое содержание, но представленное в беспокойной смене и как рефлексия в иное. Явление – это закон как отрицательное, совершенно изменяющееся, движение перехода в противоположное, снятие себя и возвращение в единство» (4, 140).

Что требует «сохранения»? Если речь идет о сохранении того, что существует в виде наперед заданной «массы», то это одно. Если же подразумевается «порождение», накопление и последующее сохранение накопленного, то это совсем другое. Но в любом случае следует, пожалуй признать, что проявления и воплощения мудрости не исчезают бесследно.

Для выяснения сути дела может многое дать обращение к учению о ноосфере. Об этой идее на протяжении последнего полувека сказано немало. Утверждения основоположников концепции – Э. Леруа, П. Тейяра де Шардена и В.И. Вернадского – получили за это время дальнейшее развитие, однако, как нам представляется, эвристический потенциал этого учения еще далеко не исчерпан.

Заслуживают внимания как представления Тейяра де Шардена о ноосфере как особого «мыслящего пласта», разворачивающегося над биосферой и вне ее, так и дальнейшее развитие этой идеи В.И. Вернадским считавшим, что по мере углубления познания человечество придает биосфере черты более высокой организованности и само превращается в такую силу, которая может быть сравнима с самыми могущественными силами стихии и даже превосходить их по своим возможным последствиям...

Идея «мыслящего пласта» может служить хорошим образцом для представления того, где «накапливается» человеческая мудрость. Конечно, это образ, но образ плодотворный. Было бы недостаточным считать, что ноосфера, техносфера, антропосфера, социосфера есть области взаимоотношений природы и общества, в которой человечество становится главным фактором развития. Сведение сути дела к такому представлению есть тем самым прямое противопоставление общества и природы, человека и природы. Думается, что речь должна идти о собственно человеческом содержании этих понятий: это – соотношение человека с самим собой. Вызывает определенное опасение и слишком буквальное толкование второй части понятия, а именно «сфера». Она действительно может восприниматься как некая оболочка. Весь парадокс в том, что с учетом невиданно возросших сил человечества, ни одна «оболочка» не способна удержать людей. Поэтому речь должна идти не о внешнем сдерживании, а о внутреннем. Это тем более важно, что, как логично предсказывали основоположники концепции ноосферы, последняя в своих внешних притязаниях способна эволюционировать от планетарных до вселенских масштабов. Если иметь в виду опаснейшие для существования человека и человечества последствия техногенной цивилизации, явно обозначившиеся в пределах земного существования человечества, то можно лишь в кошмарном сне представить, какие космические последствия может иметь безудержная экспансия человека «во-вне». Лишь вопрос времени, когда земные проблемы могут приобрести вселенский масштаб, если все свои «внутренние» проблемы человечество попытается решать за счет внешних источников и внеземных возможностей.

История человечества свидетельствует, что экзистенциальные проблемы не могут быть решены на путях накопления богатства, экономического роста и усиления технического и технологического могущества человека. Все это имеет огромное значение, но лишь в качестве необходимой предпосылки, условия. Требуют насыщения духовно-моральные устремления и поиски человека, его стремление духовно-практического основания мира, полнота выявления жизненных сил каждого индивида.

Может возникнуть соблазн представить над теми сферами, которые уже сложились, еще более высокие и широкие, а потому и все более «тонкие» сферы. В этом смысле мы оцениваем стремление обосновать существование некоей разумной сферы, как попытку заставить человечество «одуматься», вернуться к своим истокам с высоты достигнутого им. Думается, вместе с тем, что взгляды основателей концепции ноосферы намного опередили свое время, поскольку лишь достаточно много времени спустя человечество (и то лишь в лице отдельных самых разумных и мудрых представителей) начало ощущать, что конечные

вопросы бытия встали перед ним не в виде отвлеченного мудрствования (почему и отношение к нему сложилось соответствующее), а как вопросы практического выживания, сохранения не только разумной, но и жизни как таковой.

Сегодня человечество стоит на пороге «вечности». Приходится вернуться к соотношению абстрактного и конкретного. Имеет смысл говорить, что до сих пор глобальные проблемы имеют для конкретных людей абстрактное значение, т.е., характер того, что якобы не имеет никакого практического значения для реальной жизни. Опасности омницида не воспринимаются как реальная конкретная угроза каждому именно потому, что абстрактность понимается как угодно, но не как всеобщность. Сложность ситуации состоит в том, что неизбежный для каждого человека вопрос «быть или не быть?» накладывается на ту же самую дилемму, но уже в масштабах всех. Иными словами, состояние складывается как «дважды» пограничное, что диктует необходимость рассматривать все накопленное и достигнутое человеком и человечеством как с позиций «итога» (результата всего предшествующего развития), так и через призму проблематичного будущего, т.е. с позиций конечности и ее преодоления.

Каким образом может быть обеспечено такое рассмотрение и понимание? Есть, вероятнее всего, лишь единственная возможность. Это – формирование своеобразной планетарной мудрости, способной дать человеку шанс увидеть себя «со стороны», но не глазами инопланетян – представителей вземных цивилизаций, а именно своими глазами. Это есть предпосылка преодоления «монологичности» человечества перед молчаливым Космосом и налаживания внутреннего диалога, что есть возвращение к самому себе, т.е. к само пониманию и согласию с самим собой.

Человечество подошло в своем развитии к тому моменту, когда в рамках созданной им разумной оболочки жизненно необходимым является формирование своеобразной «софосферы» - такого слоя мудрости, который представлен не каким-либо структурным элементом, а есть внутреннее напряжение, пронизывающее (по крайней мере, стремится к этому) все проявления человеческой жизнедеятельности. Это то, что в состоянии придать смысл (постигая его) всему, даже тому, что представляется лишенным смысла.

Люди, отмечал А.Ф. Лосев, «должны стать философами, а уже самая элементарная философия гласит, что мир есть бесконечность и что каждый из нас есть часть этой бесконечности, то есть так или иначе несет на себе ее печать. Правда, бесконечность нельзя охватить, но зато к ней можно стремиться» (7, 308). И дальше: «Я, будучи частью мира, тоже несу на себе печать бесконечности. Но если конечная вещь, поскольку она часть мироздания, отражает на себе бесконечность, такая вещь, согласитесь, есть некоторое чудо» (7, 309). Призвание мудрости и состоит в том, чтобы увидеть такого рода «чуждость».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Антология мировой философии. В 4-х т., т.1 – М., «Мысль», 1969.
2. Боэций. «Утешение философией» и другие трактаты. – М.: «Наука», 1990.- 413с.
3. Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. Наука логики. В 3-х т., т.1.- М.: «Мысль», 1970, - 501с.
4. Гегель, Вильгельм Фридрих. Наука логики. В 3-х т., т.2.- М.: «Мысль». 1971 – 248с.
5. Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. Наука логики. В 3-х т., т.3.- М.: «Мысль», 1972 – 371с.
6. Коган Л.А. закон сохранения Бытия // Вопросы философии. 2001, №4. с.с.56-70.
7. Лосев А.Ф. Дерзание духа. – М.: Политиздат, 1988.- 366с.
8. Манхейм К. Идеология и утопия. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994.
9. Маркузе Г. Одномерный человек – М.: «Наука», 1994.- 368с.
10. Монтень М. Опыты. Избранные произведения в 3-х т., т.1.- М.: Голос, 1992.
11. Франкл В. Человек в поисках смысла.- М.: Прогресс, 1990.- 672с.
12. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.- 527с.